

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Проблема обеспечения и защиты прав и свобод человека – одна из наиболее актуальных и активно обсуждаемых проблем современности. В настоящее время особое внимание уделяется вопросам соблюдения прав человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности правоохранительными органами, в частности, при проведении оперативного эксперимента.

Такое пристальное внимание к оперативному эксперименту обусловлено двойственностью данного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ). С одной стороны, оперативный эксперимент является одной из наиболее действенных мер в предупреждении, выявлении и пресечении преступлений с высокой степенью латентности (незаконный оборот оружия, наркотиков, коррупционные преступления и т. д.). С другой – организационно-тактическая сложность оперативного эксперимента создает высокий риск нарушения прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится данное ОРМ. В частности, нередки случаи совершения провокационных действий со стороны оперативных сотрудников.

Очевидно, что провокация преступления является грубым нарушением прав человека и недопустима в правоохранительной деятельности. Вместе с тем вопрос о конкретном содержании провокационных действий при проведении оперативного эксперимента до сих пор остается открытым. Анализ отечественно и зарубежного оперативно-розыскного законодательства свидетельствует о наличии различных подходов к установлению правовых границ оперативного эксперимента. Так, если в странах СНГ и Прибалтики правомерное проведение оперативного эксперимента предполагает исключение любого рода склонения и подстрекательства лица к совершению преступного деяния, то в США, Швеции, Италии, Японии и Германии данные действия не всегда расцениваются как провокационные. В указанных странах провокация предполагает активное побуждение или подстрекательство к совершению преступления. Поведение, которым просто представляется лицу возможность совершить посягательство, не составляет вовлечения в «ловушку».

В этой связи в современной науке остро встал вопрос о допустимости оперативных экспериментов в отношении неопределенного круга лиц.

Следует отметить, что по данной проблеме нет единства мнений. Обосновывают и оправдывают необходимость таких действий П. Яни, А. Аникин, Д.В. Куделькин, И.А. Александрова и др.

Так, А. Аникин, обосновывая свою позицию, ссылается на американский опыт осуществления оперативно-розыскных мероприятий, где при проведении оперативного эксперимента оперативным сотрудникам предоставляется возможность склонения лица к участию в противозаконной деятельности. Причем данное действие не относится к числу провокационных. Например, если сотрудник обещает деньги правительственному чиновнику в обмен на услуги или особое обращение, он представляет последнему лишь возможность совершить преступление. Если чиновник берет деньги, это свидетельствует о его предрасположенности к получению взятки и провокацией не считается. Если же чиновник не берет деньги, а секретный сотрудник продолжает реализовывать другие, более настойчивые методы убеждения и принуждения, чтобы заставить чиновника принять деньги, то такое поведение может считаться провокацией.

В свою очередь, И.А. Александрова также указывает на необходимость расширения правомерного активного поведения оперативного сотрудника при проведении оперативного эксперимента. При этом она отмечает, что оперативный эксперимент следует считать законным средством изобличения преступника и не являющимся недопустимой провокацией, если он выступает способом фиксации сложившегося механизма преступной деятельности, а также доказывания наличия умысла, готовности лица к совершению преступления. По ее мнению, возможность активного поведения сотрудника в рамках оперативного эксперимента с целью выявления направленности и реализации умысла на совершение преступления не идет в разрез с целями выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих или совершивших: «Заманить в ловушку и поймать с поличным – вот в чем цель деятельности оперативника при проведении оперативного эксперимента».

Иную позицию по данному вопросу занимают П.С. Метельский, В.Н. Хомич, И.И. Бранчель и др.

Так, П.С. Метельский, отрицая возможность проведения оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц, указывает на то, что оперативный сотрудник должен владеть достаточными данными, позволяющими сделать вывод о наличии у изучаемого лица умысла на совершение определенного преступления. Кроме того, он отмечает, что умысел у лица должен формироваться без участия оперативных работников, т. е. в отношении данного лица не должно совершаться каких-либо подталкивающих действий, а также действий, искусственно создающих ситуацию, в которой изуча-

емое лицо принимает решение о совершении преступления уже в ходе ОРМ, ибо иначе такие действия неизбежно будут носить провокационный характер.

В.Н. Хомич, исследуя данную проблему на примере взяточничества, акцентирует внимание на то, что учитывая латентно-согласительную форму взяточничества, выявить и доказать факт совершения данного преступления практически невозможно не только уголовно-процессуальным путем, но и посредством оперативного эксперимента, если он проводится при отсутствии оперативно значимого информационно-доказательственного обоснования противоправного коррупционного поведения объекта, взятого в оперативную разработку. Моделирование оперативных экспериментов по сценарию «ловли на живца» с обоснованием, что «все берут», неизбежно ведет к провокации и должно быть запрещено, поскольку выявляются искусственно созданные преступления, которых могло и не быть в принципе.

На наш взгляд, проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц недопустимо.

Во-первых, такой вариант применения оперативного эксперимента не только размывает границы между законным оперативным экспериментом и провокацией, но и открывает безграничные возможности для злоупотребления и произвола, использования провокации и иных незаконных методов борьбы с преступностью. В таком случае оперативно-розыскная деятельность утрачивает качество средства государственно-правовой защиты, превращаясь в орудие провокации.

Во-вторых, целью такого оперативного эксперимента становится не предупреждение, выявление и пресечение преступлений, а склонение лица к совершению преступных действий, что составляет содержание уголовно-правового понятия «подстрекательство» и является уголовно наказуемым деянием.

В-третьих, проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц подразумевает создание искусственной, мнимой обстановки преступления, что уже само по себе является провокацией.

Таким образом, можно сделать вывод, что проведение оперативного эксперимента в отношении неопределенного круга лиц является незаконным средством борьбы с преступностью, грубо нарушающим права человека, и носит четко выраженный провокационный характер. Законный оперативный эксперимент предполагает вовлечение лица, в отношении которого уже имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе таких сведений обстановку, которая должна быть максимально приближена к преступной деятельности вовлекаемого лица.